

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Акользина М.К.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
akolmarina@yandex.ru

Сегодня небезынтересно обратиться к истокам становления системы подготовки учителей для общеобразовательных учреждений в России в целом и в Тамбовской губернии.

Основу источниковой базы исследования составили материалы, отложившиеся в фондах Государственного архива Тамбовской области (Ф. 4. Канцелярия Тамбовского губернатора; Ф. 105. Дирекция народных училищ Тамбовской губернии; Ф. 107. Тамбовская губернская мужская гимназия; Ф. 118. Тамбовский Александринский институт благородных девиц) [1], а также содержащиеся в Памятной книжке Министерства народного просвещения на 1865 год [2].

Согласно уставу 1804 г. в Российской империи создавалась стройная и последовательная система управления всеми учебными заведениями. Народное образование делилось на 4 ступени: 1. приходские училища; 2. уездные училища; 3. гимназии; 4. университеты. Страна была разделена на 6 учебных округов, в каждом из которых намечалось основать университет, в котором осуществлялась подготовка кадров для системы образования. Но в 1804 г. был открыт лишь Казанский университет. В 1819 г. начал действовать Петербургский. При Николае I не было открыто ни одного университета. В самом большом университете, Московском, в 1811 г. училось всего 215 студентов, в 1831 г. их было 814.

Официально закреплялась сословность в системе общеобразовательной школы. Типы в образовании школ сохранялись, но каждый из них становился сословно-обособленным. Приходские училища предназначались для детей «самых низших состояний», в них обучали Закону Божьему, грамоте и арифметике. Уездные училища создавались для детей «купцов, ремесленников и других городских обывателей», в их программу входили русский язык, арифметика, начала геометрии, история и география. В гимназиях получали образование главным образом дети дворян, чиновников, богатых купцов. Целью гимназий было «приготовление учащихся к слушанию академических или университетских курсов наук». 1803 г. предполагалось открыть гимназии в каждом губернском городе. Была открыта гимназия и в Тамбове. Многие дворянские дети воспитывались в частных пансионах или домашними учителями. Гувернеры, обычно французы или немцы, не отличались большой образованностью.

Правительство в этот период обращало внимание на развитие государственной школы, в которой должно было преобладать «отечественное воспитание и образование». Развивая эту линию в школьной политике, правительство в 30-е годы ограничило число вновь открываемых частных пансионов в столицах, а в уже действующих «воспитание должно было приспособливаться к воспитанию в казенных заведениях», право содержания пансионов и преподавания в них получали только русские подданные.

В 1830-е гг. в России были созданы предпосылки для развития системы средней и высшей школы. Университетский устав 1835 г., поставивший российские университеты под большой государственный контроль по сравнению с Уставом 1804 г., способствовал их более углубленной научно-учебной деятельности. Университеты наряду с Академией наук становились не только важными научными центрами, но и учебными заведениями по подготовке учителей для общеобразовательных школ. С целью повышения уровня университетской профессуры практиковалось направление за границу молодых выпускников университетов для подготовки к ученому званию.

С развитием экономики, увеличением сфер жизни, требующих грамотных, образованных людей, авторитет знаний и необходимость их приобретения возрастали. Увеличилась потребность в подготовленных учительских кадрах. В 1830-е гг. появились ведомственные школы (Министерств финансов, государственных имуществ, Военного, Духовного ведомств и т. д.). К 1850-м гг. существовало до 3 тыс. волостных училищ Министерства государственных имуществ. В дореформенной России основной была сельская школа (законом 1867 г. эти школы были переданы земству) [3].

Первые шаги к просвещению в нашей губернии были предприняты в 1720 г., когда Шацкая и Тамбовская провинции получили грозный царский указ об учении, опричь дворянских и духовных детей [4, с. 28]. Но этот указ так и не был исполнен, и вплоть до открытия Тамбовского народного училища в нашей губернии негде было выучиться грамоте. «Охочим до грамоты людям приходилось обращаться к местным распространителям просвещения..., а кому позволяли средства, то те дальнейшее образование своих детей поручали выписным иностранцам. В этом случае иные Тамбовские помещики тратили довольно значительные суммы, выписывая заморских педагогов прямо из Лондона, Петербурга и Парижа. Почти все эти иностранцы были, конечно, всего менее знакомы с наукою и педагогиею и потому вся их воспитательная роль сводилась к одной болтовне на каком-нибудь иноземном наречии...» [5]. Уже в XVIII в., как и в других губерниях России, так и на Тамбовской земле распространилась тенденция приглашения иностранцев для обучения детей.

И.И. Дубасов отмечал, что в начале XIX в. безграмотность населения в Тамбовской губернии была почти поголовная. «Она доходила до того, что даже многие священники «не умели читать в твердость...» [6, с. 414]. Многие родители из духовенства «всячески укрывали от школы и грамотности своих детей. Действуя на основании синодских указов, Феофил в 1801 г. распорядился так: «Тех духовных детей исключить из духовного ведомства, кои до шестнадцатилетнего возраста остаются безграмотными, и отослать в гражданския правительства для обращения в военную службу» [7].

подавляющее большинство зафиксированных в Тамбовской губернии в первой половине XIX в. преподавателей были домашними учителями, меньшая часть работала в гимназиях и уездных училищах (учителя, преподаватели, воспитатели, комнатные надзиратели). Такое явление в рассматриваемый период характерно и для других российских губерний. А.И. Куприянов, изучив культурную среду некоторых городов нечерноземного центра России и Западной Сибири первой половины XIX в., пришел к выводу, что в этот период горожане доверяли домашнему образованию больше, чем казенной школе, а попытки педагогов Министерства народного просвещения ликвидировать конкуренцию со стороны частных учителей оставались тогда безуспешными [8, с. 37]. К преподавателям относились люди (в том числе и иностранцы), связанные с обучением и воспитанием: «обучают детей, имея на то право по свидетельствам надлежащего училищнаго начальства», «обучает детей инструментальной музыке», «занимаются обучением детей с дозволения начальства», «находятся при домах для присмотра за детьми», «при воспитании детей», «в дядьках», «в няньках», «находятся в гувернерах и няньках».

Принимать иностранцев на государственную службу было запрещено. Однако это положение не распространялось на «ученую часть». Определение иностранных граждан на должность учителя регулировалось «Уставом о службе по определению от правительства» Свода законов Российской империи. Все учителя должны были пройти специальные испытания на звание учителя уездного училища, которые включали в себя проверку знаний по Закону Божию, священной и церковной истории, российской грамматике, словесности и логике, арифметике, геометрии, географии и истории. Иностранцы, особенно недолго прожившие в России, по усмотрению начальства учебного округа могли освобождаться от испытания по русскому языку [9, с. 7-8].

Для получения должности домашнего наставника или учителя необходимо было пройти общее специальное испытание для домашних учителей, которое состояло из следующих предметов: Закон Божий, священная и церковная история, предмет гимназического курса, по которому специализируется кандидат, русская (а для иностранцев родная) грамматика, арифметика, география, всеобщая история. Иностранцы могли предоставить письменные удостоверения от своих священников и пасторов «в том, что имеют требуемые познания в Законе Божиим», священной и церковной истории, и освобождаться от испытаний по этим предметам [10, с. 16-17]. Звание домашнего наставника или учителя получали только окончившие полный курс обучения в высших учебных заведениях, успешно сдавшие выпускные экзамены и получившие аттестат со званием действительного студента или диплом на ученую степень от одного из русских университетов.

Желающие получить звание домашнего учителя допускались к испытаниям только после предъявления метрических свидетельств (выписки из исповедных росписей) и «одобрительных отзывов о поведении и нравственных качествах от заведений, в коих они воспитывались, и от начальства тех мест, где находились и находятся на жительстве, и от известных благонадежных лиц». Большое внимание уделялось не только профессиональной подготовке будущих педагогов, но и их духовно-нравственному развитию.

Иностранцы, поселившиеся в России недавно, кроме удостоверений о крещении, должны были представить «одобрительные свидетельства» от российских миссий в тех государствах, откуда они прибыли. Желающий поступить в частный дом для воспитания детей должен был также предоставить местному директору гимназии и уездному предводителю дворянства свое свидетельство на звание наставника или учителя. Это правило соблюдалось и при переезде на постоянное место жительства в другую губернию, и при переходе на другое место работы (в другой дом) [11, с. 140-141].

Домашние наставники и учителя должны были исповедовать христианство, а также вступить в русское подданство. «Иностранцы, получившие упомянутые звания, могут беспрепятственно поступать в частные дома наставниками или учителями, не вступая в русское подданство». Те иностранцы, которые хотели получить звание домашнего учителя, допускались к испытанию только после предъявления метрических свидетельств (выписки из исповедных росписей) и одобрительных отзывов о поведении и нравственных качествах от учреждений, в которых они воспитывались. Иностранные подданные, получившие право занимать в России должности домашних наставников или учителей, могли свободно пользоваться этим правом, даже не вступая в российское подданство, но они не могли пользоваться «преимуществами и выгодами, званиями их предоставленными» [12]. Получившие звание домашнего наставника или учителя считались состоящими на действительной службе по ведомству Министерства народного просвещения. Также иностранцы допускались к преподаванию «закона Божия».

Но при этом они должны были обладать правами на преподавание такого предмета: «...на преподавание имеют право: 1. приходские пасторы; 2. кандидаты богословия, подвергшиеся в Консисториях экзамену на получение права проповедывать и быть назначенными в проповедники какого-либо прихода, с выдачей свидетельства; 3. учителя приходских и крестьянских школ, которые испытываются в знаниях проповедниками и утверждаются в должностях консисториями; 4. особо определяемые при казенных и частных школах законоучители, а равно такие лица обоюдого пола, которые занимаясь обучением в частных домах, преподают между прочими предметами и закон Божий; 5. сверх того по недостатку в России кандидатов духовенства, не должно бы исключать совершенно и иностранцев» [13].

От «дядек и мамок иностранных», занимавшихся воспитанием, а не обучением детей в частных домах, никаких свидетельств не требовалось, но они должны были иметь удостоверения «о добром их поведении» от губернаторов, и от священников их вероиспо-

ведения, «что они известны ему своим благочестием». Вообще гражданским губернаторам было предписано наблюдать за поведением и нравственностью иностранцев и иностранок, содержащих частные учебные заведения, а также учителей и воспитателей. Губернаторы обязаны были сведения об учителях-иностранцах сообщать попечителям учебных округов, или, «смотря по важности и обстоятельствам», и прямо Министерству народного просвещения, «а родителей силою благонамеренных внушений убеждать к удалению из своих домов таких воспитателей, коих поведение или учение покажется им подозрительным» [14].

Литература

1. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 4. Канцелярия Тамбовского губернатора; Ф. 105. Дирекция народных училищ Тамбовской губернии; Ф. 107. Тамбовская губернская мужская гимназия; Ф. 118. Тамбовский Александринский институт благородных девиц.
2. Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб., 1865. Ч. I. Законы, уставы, положения и штаты.
3. Подробнее о системе образования в России и Тамбовской губернии см. Воейков Л. Описание Тамбовской губернии. С-П., 1872 г., Сб. материалов. Типография импер. Академии наук; Сборник материалов и статистических сведений по народному образованию в Тамбовской губернии. Вып. I. Тамбов, 1899. С. 60; Сборник материалов и статистических сведений по народному образованию в Тамбовской губернии. Вып. I. 1899, Тамбов, 1901.; Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. СПб., 1910. С. 441
4. Постепенное развитие народного просвещения в Тамбовском крае // Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов. 1993.
5. Там же.
6. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / Сост. Ю.А. Мизис. Тамбов, 1993.
7. Епископ Феофил, управлял Тамбовской епархией с мая 1788 г. до декабря 1811 г.
8. Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007.
9. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Устав о службе по определению от правительства. Раздел I. Гл. 4. О определении к должности. Ст. 353 // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб., 1865.
10. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Ст. 816, 822 // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб., 1865.
11. Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб., 1865. Гл. XIX. Извлечение из постановлений о домашних наставниках и учителях.
12. Акользина М.К. Иностранная интеллигенция в Тамбовской губернии в первой половине XIX века // Историко-культурное наследие: проблемы исследования и преподавания. Тамбов, 2005.
13. ГАТО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 666. Правила о частных и начальных учителях. Лл. 1-3 об.
14. Циркулярное предписание Министерства народного просвещения «О содержателях частных учебных заведений и обучающихся в частных домах» от 8 июля 1831 года. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 687. Лл. 574-575.